

ПОЭЗИЯ

Там, за горой, встаёт другая...

61

*Ильсияр
Иксанова*

Мир

Несчастье
по пятам за счастьем вечно мчится,
Любимый муж возьмёт –
и с водкой обручится.
С глупышкой мудрец живёт себе, спокоен.
Наверное, весь мир из парадоксов скроен.

Душа и та давно
уж чёрно-белой стала,
И бес, и ангел,
Знай,
Тетрадь твою листают...

* * *

Я – дочь своей земли с открытым сердцем,
Я – странница, что по земле проходит,
Таинственный кубыз неповторимый –
В нём песня-жизнь из тысячи мелодий.

Летят из-под копыт Тулпара искры –
Мой голос – этой мощи отраженье:
В нём – ветра свист по бесконечной степи,
Песка течение,
жизни всей течение.

В нём память и тоска веков минувших,
Прощание с погаснувшей надеждой.
И тот мотив, что в будущее рвётся,
Звучит – я оживить его сумела.

Да, я – кубыз, в котором сохранится
Былых столетий настоящий облик.
И путь бродяги-дервиша кружится,
Сквозь годы
доносясь, как тихий оклик.

Осень в деревне Саралы

На кончике пера поэта – осень,
Нас согревал её далёкий свет.
О, золотая болдинская осень –
Мы думали, её прекрасней нет.

А осень в Саралы проста, желта –
Сравниться ей ли с болдинскою той?
Чуть свысока смотрели на неё, –
Росли мы в мире грёзы золотой.

Далёкую таинственную осень
Воочию увидев, дочь сказала:
«Красиво, мама –
Пушкин прав,
Да только
Ведь в Саралы ни разу не бывал он».

Уж позади онегинские вёсны,
Уж мне привычки осени милы.
Дни – листья жизни – опадают тихо,
И золотится осень в Саралы.

Скучаю по горам

1

Там, за горой,
встаёт другая смело, —
Ещё упорней ввысь
она стремится...
При виде неприступных
пиков белых,
Сильнее сердце
начинает биться.

Обманчиво близки.
Но сил немало
Потратишь, коль захочешь попытаться
Пройти по ледникам и перевалам,
На горной тропке узкой удержаться.

Там горная река несёт, играя,
Кипящей ледяной воды потоки.
Там пропасть ждёт, —
пройдёшь ли ты по краю
Иль рухнешь в зев
расщелины глубокой.

Ползёшь упрямо, –
Высота манит!
А доберёшься до вершины, гордый,
И видишь: пред тобой стоят в тумане
Непокорённые тобою горы!

2

Давно уже я в горы не хожу!
Но продолжаю всё по ним скучать.
Кто не был их дыханьем опалён, –
Способны ли они меня понять?

А для меня в горах – вся высь любви,
И раны сердца в них, и кладезь сил.
Вершин цепочка – бытия хребет,
Что жизнь и жизнь навеки разделил.

Осталась жизнь с тобой – на высоте...
А в этой –
Я внизу брожу давно.
Мне давит плечи неба вечный гнёт,
А ведь казалось, рухнет и оно...

Но нет, не рухнуло.
И гор гряда цела.
В пыль превратились только лишь мечты...
Те горы, что хотели покорить,
Ждут нас с тобой и смотрят с высоты.

Я в горы не ходила без тебя!
Лишь сны, бывает, мой крадут покой, –
Мне чудится, ты ввысь меня зовёшь,
С вершины снежной машешь мне рукой...

Шёлковый путь

Дорога – начало жизни,
её настоящая суть,
Будет дорога – значит, зажгутся костры.
Надежда народов –
Великий Шёлковый Путь,
Соединял людей и миры.

Шёлковый – но возили не только шёлк,
Медленно шли верблюды, собой горды...
Ясно вижу: мелкие, как песок,
Крупницы надежды полнили их следы.

Если дорога прервётся, гаснет жизни маяк.
Одна лишь история – сколько печали в ней! –
Дорога ушла,
И Петру окутал мрак,
Осталась забытой среди песка и камней.

Шёлковый, всё же не был гладким, как шёлк.
Не каждый путник достиг желанной земли...
Через пустыни, степи и горы он шёл.
Арабских коней
В китайские земли вели...

С материка на другой долго было идти...
Кто только не вступал под единый кров.
Песни одни и те же пелись на всём пути,
Перемешалась мудрость,
Смешалась кровь.

Он жив до сих пор,
Великий Шёлковый Путь,
Хоть следы караванов стёрлись давно уже...
Живёт у народа в памяти,
И ты о нём не забудь,
Пусть живёт у тебя в душе.

Знаки-тамга наших предков и ныне всюду видны,
Стоит вокруг внимательнее взглянуть.
Он теперь достояние истории –
 пусть она сохранит
Общий для многих народов великий путь.

И нам бы не обмануться, судьбе своей не изменить,
В угоду соблазнам мира в сторону не свернуть.
Как прочного нежного шёлка драгоценная нить
Пусть протянется в будущее
наш собственный Шёлковый путь!

Право поэта

Газинуру Морату

Ты одинок?
Поэт на земле одинок.
В рамки союзов, течений не помещается.
Искренностью и правдой собственных строк
Личность его измеряется.
Если же мир непомерно к тебе жесток,
Злиться не нужно, — так любовь проверяется.
Лишь бескорыстием и души чистотой
Поэтичность твоя измеряется.
Вера крепка должна быть, с верою той
Тёмным силам душа твоя не покоряется!
Для поэта истинность прямою
Разговора с народом своим измеряется!

Так рассвет надежды твои сбережёт,
В тёмную ночь, когда свет иной потеряется.
Верой в будущее поэт живёт —
Жизнь поэта ею лишь измеряется.

* * *

Скворечник опустел, и мне так жаль.
В соседний лес скворцы переселились.
Мне душу поцарапала печаль, —
За нею мысли мрачные явились.

На сердце сразу стало тяжело,
И вспомнился мой дом осиротелый.
Как птицы, дети встали на крыло
И по краям далёким разлетелись.

А старшие ушли, их голос смолк...
Кого на свете время пощадило?
Оно приходит, вешает замок
На двери дома, где когда-то жизнь бурлила.

Смотрю
И сердце бедное моё
Сильней лишь горевать я заставляю.
Взлетела шумно стайка воробьёв.
Увидев их, внезапно понимаю:

Раз нет скворцов, раздолье воробьям!
Всё можно,
Всё на свете нипочём!
Слетелись и устроили бедлам,
Ругаясь, делят опустевший дом...

Перевод

Алёны Каримовой

Прощание

В печали не видно просвета,
Ничто не веротишь назад.
«Прощай, моё лучшее лето!» –
Колёса по рельсам стучат.

Но осень врывается в окна,
Затянут тоской окоём.
До нитки бы снова промокнуть
Под тёплым июльским дождём.

По лужам босой пробежаться,
Держаться за руки с тобой.
Ах, если б навеки остаться
В чудесной стране голубой!

Сияло зарницами лето,
Был цвет их то розов, то ал.
От искорки грусти рассветной
Мой август всюду полыхал.

И звёзды подбрасывал вечер
В костёр мой, над ним ворожа.
И звёзды шептали: «До встречи!»,
А нынче угасли, дрожа.

Печаль от разлук необъятна,
Её не удержишь в горсти...
Вези меня, поезд, обратно!
Хочу эти звёзды спасти...

Обман

В январе то плюс пять, то плюс три.
Отворяются почки весне.
Белой-белой мечтою, смотри,
Так и сыплет с небес мокрый снег.

Следом яблони белым платком
Приукрасятся в неге тепла,
Хоть жестокая стужа потом
Их разденет опять догола.

Обожжётся листва в январе,
Обернётся слезами сирот.
Так, поверив весне перемен,
Обманулся в надеждах народ.

* * *

68

Хочешь,
Любовь обернётся моя белым снегом,
Чтобы спуститься к тебе по велению неба?
Хочешь,
Я стану метелью и брошусь под ноги,
Чтобы пути замело, и ты сбился с дороги?
Хочешь,
Заплачу, как ветер,
И запричитаю?
Хочешь,
Снежинкой в любимых ладонях
Растаю?
Хочешь,
Забуду о гордости
Без сожаленья,
Снегом, метелью, ветрами
Прося снисхожденья?
Хочешь?

Не пожелай всего этого, впрочем...

Горы

Душу гор понимают лишь горы,
А равнина её не поймёт.
Прелесть гор очарует любого,
А трагедия сердце порвёт.

Над горами и небо синее –
Черпай звёзды небесным ковшом.
Горы меряют тысячелетьем,
А долина живёт одним днём.

Горы – это мечта и горенье,
Неустанный невидимый труд.
Их от зависти иль восхищенья
Гордецами равнины зовут.

В горных душах клокочут вулканы,
Рвётся в небо, искрится мечта.
Так, что камни дрожат под ногами,
Но достойных ведёт высота.

Душу гор понимают лишь горы,
Высоте своё сердце открой.
Не к лицу нам ни ахать, ни охать,
А иначе не зваться горой.

Я вздрогну от закатного луча

Я содрогнусь от шороха листвы,
От скрипа снега вздрогну невзначай,
От уханья полночного совы,
Подлёдного течения ручья.

От журавлей, летящих косяком,
От тучи, не пролившейся грозой,
От бабочки, вспорхнувшей над цветком,
И от росы, скатившейся слезой.

Когда звезда сорвётся с высоты,
Ночное небо надвое деля,
Я вздрагиваю.
И от темноты
Столь ранних зим грустит моя земля.

Я вздрогну от закатного луча,
От осени со смертною тоской.
Я вздрагиваю, память огорча
Судьбою заблудившейся людской.

Дрожу от почки клейкого нутра,
Что раскрывает душу по весне,
И от ночного яркого костра,
Который смотрит прямо в очи мне.

Я вздрогну от того, что, взяв печаль,
И этот день уже уходит в тлен.
Так вздрагивает хрупкая свеча,
Предошущая
Ветер перемен...

*Перевод
Галины Булатовой*

